

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)**

Учебно-научный центр социальной антропологии (УНЦ СА)

ОТЧЕТ

по практике по получению профессиональных умений
и опыта профессиональной деятельности (выездной)

Выполнил студент

2 курса УНЦСА РГГУ

Долотов Василий Евгеньевич

Руководители

Артёмова О. Ю., Артёмова Ю. А., Долгих Д. А.

МОСКВА 2023

Введение

Второй учебный год в РГГУ подошёл к концу. Как и после первого курса, мы, студенты учебно-научного центра социальной антропологии, отправились на практику – правда, не на электричке, а на поезде дальнего следования; не в Сергиев Посад, а в Петербург; не археологический опыт получать, а музейведческие, исторические и этнографические знания. Нам предстояло внимательно, при помощи научных сотрудников МАЭ РАН и РЭМ, изучить коллекции Кунсткамеры и Российского этнографического музея, а также посетить несколько других крупных музеев «культурной столицы».

Итак, практика проходила с 4 по 12 июня на территории Санкт-Петербурга – в 700 км от Москвы. Следуя плану, мы посетили следующие культурные объекты:

- Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН) – *5 июня, 6 июня*
- Российский этнографический музей – *7 июня, 9 июня*
- Государственный музей истории религии – *8 июня*
- Музей медицины России и военно-медицинской службы при МО РФ – *8 июня*
- Российский государственный музей Арктики и Антарктики – *10 июня*

Сотрудники первых двух музеев читали полноценные двух-трёхчасовые лекции, в большинстве случаев основанные на тематическом экспозиционном материале, а в Музее истории религии, Музее военной медицины и Музее Арктики и Антарктики для нас были проведены непродолжительные ознакомительные экскурсии.

Самостоятельно я посетил Филармонию джазовой музыки (*8 июня*) и Зоологический музей Зоологического института РАН (*10 июня*). Осмысляя приобретённый в этих местах опыт, я понял, что мои впечатления частично связаны с предметом антропологического и этнологического исследования.

По приезде в Петербург 5 июня мы разместились в хостеле CentralHouse (просп. Римского-Корсакова, 3) – там, на четвёртом этаже, в зелёном секторе «Италия», украшенном изображениями спагетти и пиццы, мы проводили свободное время и ночевали на протяжении семи дней. Хостел располагается напротив Юсуповского сада, в центре города, поэтому мы могли добраться до большинства музеев пешком – за 15–20 минут.

Основная часть

4 июня (ВС) мы встретились на Восточном вокзале в Москве и сели в плацкартный вагон поезда, следовавшего в Санкт-Петербург из Белгорода.

5 июня (ПН) мы приехали в Петербург и, оставив свои вещи в хостеле, отправились в Кунсткамеру.

Первую лекцию нам прочла африканист **Валерия Николаевна Семёнова** – *к. и. н.*, *научный сотрудник Отдела этнографии МАЭ РАН*. Она подробно рассказала нам о западноафриканской, экваториальной, восточноафриканской и южноафриканской историко-этнографических областях. Я узнал о фресках Тассили и об Анри Лоте, который посвятил жизнь изучению наскальной живописи Сахары, о вкладе Д. А. Ольдерогге в развитие отечественной африканистики и об изучении африканского искусства в наши дни, о различиях между культурой бамана и культурой догонов. Особенно сильно меня заинтересовала коллекция африканских масок, представленная в музее. Удивительным показался факт, что в африканской традиции маска – это не просто личина, а целый костюм, надевая который человек перевоплощается в другое существо. Отдельно хотелось бы отметить деревянные маски южного Габона, Пуну-Ломбо. Суженные глаза, поднятые брови и тонкий подбородок маски напомнили восточную, японскую традицию, из-за чего трудно было связать Пуну-Ломбо с габонской культурой. Восхищение вызвали также – маски-наголовники народа экои, живущего на юго-востоке Нигерии. Их я воспринял как образцовое сочетание практического смысла и эстетического выражения. Валерия Николаевна несколько раз отмечала, что в условиях европейского колониализма многие черты традиционной западноафриканской культуры были коммерциализированы, а иные – искусственно придуманы африканской элитой с целью извлечения прибыли в целях обогащения. Впрочем, даже представленные в «африканском зале» резные бивни, которые были важным атрибутом коммерческой связи африканцев с европейцами, произвели на меня впечатление. Я узнал о роли Ганса Мейера в формировании коллекции Кунсткамеры и с большим интересом рассмотрел бронзовые изделия, созданные на территории Великого Бенина. Выдающаяся коллекция экспонатов была изъята из дворца правителя Бенина – колоссальные масштабы царского алтаря внушали трепет: такие же чувства испытываешь, когда слушаешь африканскую ритуальную музыку. Я неспроста вспомнил о музыке: самыми интересными для меня оказались витрины с музыкальными инструментами африканцев. Удивило и запомнилось, что в Замбии калемас выполняет функции резонатора, усиливающего звучание силлимбы – щипкового ламеллофона, а в Эфиопии во время богослужений используются систры. В. Н. Семёнова как специалист по

Эфиопии уделила большое внимание коллекции, привезённой из этой страны, и рассказала о связи Аксума с христианскими реликвиями. «Африканский зал» стал одним из самых ярких воспоминаний о Кунсткамере.

Следующую лекцию нам прочитала **Полина Викторовна Рудь** – младший научный сотрудник Отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН. Она познакомила нас с коллекциями, привезёнными из Китая. В первом зале были представлены традиционные костюмы некоторых народов, проживающих на территории Китая: маньчжурская типха, дунганский свадебный наряд, уйгурский халат. Полина Викторовна уделила особое внимание символическому значению цветов в китайской культуре: хризантема ассоциируется с осенью и символизирует женственность и целомудрие, пион – это весенне-летний цветок знатности, а слива включает в себе энергию зимы и отражает стойкость. Из лекции я узнал, каким образом в культуре отразилось взаимодействие китайцев и маньчжуров: например, сугубо «китайское», как мы полагаем, восхищение птицами, на самом деле, корнями уходит в маньчжурскую традицию. Богатая коллекция чайничков из перегородчатой эмали и фарфора показалась мне воплощением восточного изящества. Сильнее всего меня заинтересовал макет двора крестьянского глинобитного дома, обитого соломой. Лекция Полины Викторовны была скорее посвящена традиционному искусству китайцев, чем особенностям их быта, и мне это понравилось, потому что, как мне кажется, познать эстетическое восприятие народа – значит познать народ.

Следующие две лекции были связаны с Америкой. В секторе Южной Америке о латиноамериканских народах нам рассказала **Ольга Владимировна Кондакова** – младший научный сотрудник Отдела этнографии Америки МАЭ РАН. В довольно быстром темпе мы прошли по всем латиноамериканским историко-этнографическим ареалам. Арауканские изделия из серебра, инкские ритуальные кубки из дерева для майсового пива, амазонские перья – яркость, многообразие, оригинальность элементов латиноамериканской материальной культуры приковывали и не отпускали моё внимание. Наверное, на всю жизнь мне запомнятся маски ягуара, льва и мавра, представленные в «мексиканской» коллекции, предметы которой тематически объединены символикой Дня мёртвых – самого известного мексиканского праздника. Впрочем, больше всего меня поразили высохшие головы – трофеи, добытые амазонскими воинами и представленные в одной из витрин.

О Северной Америке нам рассказывала **Елена Станиславовна Соболева** – к. и. н., старший научный сотрудник Отдела этнографии Южной и Юго-Западной Азии МАЭ РАН. Она подробно описывала каждую коллекцию, представленную в секторе Северной

Америки. Благодаря этому я узнал о различиях между основными видами лука, о существовании такого оружия, как бола, о роли копьеметалки в охоте эскимосов, о кожаных очках, спасающих от снежной слепоты, о конических шляпах алеутов и об алеутской охоте на тюленя, об иглах дикобраза как о декоративном элементе традиционной вышивки атапасков, о социальной организации, о двузубых гарпунах и о родовых гербах тлинкитов, об одежде и жилище народов Великих прерий. Мы увидели томагавк, хитроумно объединённый с курительной трубкой; берестяной челнок виннебаго Канады, изображение Громовой Птицы в алтаре пуэбло, костюмы ворона и кондора, принадлежавшие калифорнийским индейцам. Я ни разу не был в Северной Америке, но, едва вышел из Кунсткамеры после лекции Елены Станиславовны, возникло ощущение, будто за три часа прошёл весь материк и отплыл с калифорнийского побережья к неведомым краям.

6 июня (ВТ) мы снова работали в Кунсткамере. На сей раз было гораздо труднее воспринимать информацию, потому что в музей нахлынули толпы посетителей, которых нам приходилось обходить и пропускать.

Первая лекция была посвящена истории Кунсткамеры. Лектором была **Евгения Михайловна Лупанова** – к. и. н., старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века (Музей М. В. Ломоносова) МАЭ РАН. Сначала мы ознакомились с анатомическим разделом – пожалуй, с самой знаменитой экспозицией музея. В секторе представлены экспонаты с анатомическими уродствами и природные редкости: самой значительной является коллекция, купленная Петром I у голландского анатома Фредерика Рюйша в 1717 году. Евгения Михайловна рассказала нам, как происходило формирование первой музейной коллекции и когда была открыта Кунсткамера. Некоторые экспонаты анатомического раздела меня удивили: зубы, вырванные самим Петром I, увлекавшимся стоматологией, или скелет гиганта – Франсуа Буржуа (его рост составлял 228 см). Банки с заспиртованными эмбрионами и животными с патологическим развитием ужаснули: впрочем, было интересно узнать от лектора, как в музее появились ребёнок с циклопией, котёнок с раздвоенным туловищем и пятиплодная плацента.

Раздел, посвящённый истории Кунсткамеры и русской науки XVIII в., включает три экспозиции, которые объединены под названием «Музей М. В. Ломоносова» и расположены на верхних этажах здания. Сначала мы побывали в «Зале заседаний Петербургской академии наук», который представляет повседневную деятельность и биографию М. В. Ломоносова. Нам довелось увидеть мебель XVIII в. и редчайшие экземпляры: например, зеркала, созданные академическим скульптором М. Павловым. Зал

имеет круглую форму, и мы обошли его примерно за час. Я знал, что Ломоносов был «универсальным человеком»: его деятельность не ограничивалась естественными науками, он был и литератором, и художником, и историографом. Однако это знание было абстрактным, основанным на своеобразном культе Ломоносова в научной среде. Евгения Михайловна рассказала нам об оптических приборах, о цветных стёклах, о стеклодувных тиглях Ломоносова и показала все эти инструменты, представленные в «физическом» и «химическом» кабинетах экспозиции. Тогда теоретическое знание обрело практическое основание и чёткие контуры. Как ни странно, наибольшее впечатление на меня произвели мозаичные работы Ломоносова – о его художественной деятельности я даже не догадывался до посещения музея.

Следующая часть экспозиции «Музея М. В. Ломоносова» представлена в «Астрономической обсерватории Петербургской академии наук». Это светлое помещение с брамантовыми окнами и большой коллекцией различных астрономических приборов. Я очутился в волшебном мире астрономических исследований, состоящем из телескопа Клода Пари, гринвического квадранта Джона Каффа, армиллярной сферы Жозефа Дюпрессуа и прекрасных солнечных часов, которые долгое время оставались основным мериллом времени. Евгения Михайловна рассказала нам о функциональном значении приборов и их необыкновенной истории.

Поднявшись по винтовой лестнице, мы оказались в зале, посвящённом первому в истории человечества глобусу-планетарию – Большому Готторпскому глобусу. Работа по его созданию началась в 1651 г. по распоряжению Готторпского герцога Фридриха III. В Петербург он был перевезён в годы Северной войны в качестве дипломатического подарка Петру I, а в Кунсткамеру был помещён только в 1717 г. В 1747 г. глобус сгорел во время сильного пожара, но вскоре был восстановлен, пусть и с некоторыми изменениями: например, на реконструированном глобусе появились надписи на русском языке. У нас была возможность обойти осмотреть глобус со всех сторон и даже мельком взглянуть на его внутреннюю поверхность.

Лекцию о Японии нам прочитал **Александр Юрьевич Сеницын** – к. и. н., старший научный сотрудник Отдела Восточной и Юго-Восточной Азии МАЭ РАН. В своём рассказе он акцентировал внимание на двух важных аспектах, связанных с японской культурой: на истории японцев в России и на традиционном японском оружии. Я получил большое количество новой и ценной информации о самураях: «военных холопах», которые со временем стали высшим слоем в японской социальной иерархии. Самурайский костюм, как нам рассказал Александр Юрьевич, состоит не только из шлема и меча. В изготовлении доспехов используются кованая сталь, золото, серебро, замша, шёлк.

Каждый элемент имеет сакральный смысл: так, в мече заключены сила и вера, а сделанная из магнолии и декорированная металлами оправа – своеобразный «костюм» меча. Огнестрельное оружие японцев ценится не так высоко, как тати и катана, тем более если клинок был изготовлен мастером Масамунэ. К слову, меч, который представлен в отдельной витрине «японского зала» и интересен тем, что на его клинке выцарапано имя Масамунэ, скорее всего, был изготовлен другим мастером. Я узнал о роли синтоизма в японской культуре: так, императорский род ведёт своё происхождение от солнечной богини Аматэрасу-о-миками, а вера японца в «путь богов» пронизывает все сферы жизни. Впрочем, распространение в Японии получил также буддизм Махаяны, а помимо японцев, на территории Японских островов живут айны – «мохнатые курильцы». В лекции Александр Юрьевич рассказал о культуре айнов: об одежде из крапивного волокна и о татуировках айнских женщин, напоминающих усы.

Последняя за день лекция была посвящена Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Океании: её нам прочитала **Елена Станиславовна Соболева**. Она рассказала нам не только об этнографии народов Индии, но и о том, что в долине Инда ещё в период до нашей эры существовала письменность, которая предположительно основывалась на дравидийском языке и по-прежнему не расшифрована, хотя Ю. В. Кнорозов определил иероглифическую систему письма. Больше всего мне запомнились витрины с экспонатами, привезёнными из различных индийских театров: каждая маска отражала определённую эмоцию, определённый эстетический смысл. Маски цейлоновского театра Колам мне показались страшными, но их демоническая сила захватывала, приковывала моё внимание. Из лекции я узнал, что означает красная точка на лбу индийской женщины и почему девушки носят кольцо на большом пальце ноги, какой головной убор можно считать традиционным для сикхов и по какой причине тела брахманов не портятся после смерти. Не менее познавательным оказалась лекционная часть об Индонезии. Из экспонатов индонезийской коллекции мне больше всего запомнились модель традиционного бунгало батаков, тростниковый мяч для игры в чинлон и музыкальные инструменты с забавными названиями кутчапи, кетунг-кетунг и хиндунг-гинданг. Экспозиция, посвящённая Океании, стала наглядным примером сведений, полученных в первом семестре второго курса в рамках дисциплины «История и социальная антропология Океании».

7 июня (СР) мы отправились в Российский этнографический музей. В просторном мраморном зале нас встретил **Дмитрий Александрович Баранов** – к. и. н., *заведующий Отделом этнографии русского народа РЭМ*. В своей лекции он рассуждал не столько об этнографии как таковой, сколько о теоретических аспектах антропологии, напрямую

связанных с её проблематикой и методологией. Саму антропологию он определил как проблематизацию, ведь антрополог должен из всего делать проблему, задавать детские вопросы: например, почему стол стоит на четырёх ножках, если для устойчивости достаточно трёх? Впрочем, Дмитрий Александрович посвятил нас и в историю музея: рассказал, что он был основан в 1895 г. как этнографический отдел при Русском музее, а в 1934 г. обрёл самостоятельность. Мне показалась интересной мысль лектора о музее как о метафоре кладбища, как о семиотически неоднородной среде, которая определяется сакральными запретами. Богатая коллекция предметов материальной культуры русского народа была представлена в пяти залах РЭМ: мы останавливались не у каждой витрины, но каждое слово лектора проникало в сознание и на новом, идейно-абстрактном уровне формировало глубокое понимание жизни русского человека. Горшок переставал быть простой посудой и становился культурным эквивалентом человеческого тела, а гончар из простого ремесленника превращался в демиурга. Цветы вяли на наших глазах и становились символом смерти. Кошка, священное, чистое животное, оказывалась переносчиком дьявольской силы. На свадебном обряде люди разбивали на мелкие кусочки красивую посуду не сгоряча, а потому что этого требовало резкое изменение статуса. Странно? Бессмысленно? Иррационально? Как метко выразился Дмитрий Александрович, здравый смысл – шоры для человека. Культура же состоит, по большому счёту, именно из иррациональных элементов, придать смысл которым возможно только приняв правила игры, установленные природой, и посвятив этой игре свою жизнь.

Спустя пару часов отдыха мы поднялись на второй этаж с **Владимиром Александровичем Дмитриевым** – *д. и. н., научным сотрудником главной категории Отдела этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана РЭМ*. Он оказался проводником в удивительный мир Южного Кавказа. В спокойном, неторопливом рассказе Владимира Александровича каждая деталь становилась значимой и интересной. Никогда не думал, что проблема внутритерриториального разграничения Кавказского региона может иметь глубокий антропологический смысл: чтобы определить, где кончается Северный Кавказ и начинается Южный, где проходит граница между Западным и Восточным Кавказом, оказывается, недостаточно учесть географические сведения. Нужно иметь в виду филологическое наследие и, конечно, этнические традиции. Культурные различия касаются не только. На Западном Кавказе делают напитки из мёда, а на Восточном – нет; на Западном Кавказе пользуются лёгкой имеретинской арбой, а на Восточном – тяжёлой телегой; на Западном Кавказе произрастает высокая лоза, а на Восточном – низкая. И это далеко не все различия, которые можно провести между, казалось бы, столь близкими областями общекавказской цивилизации. Трёхчасовая

лекция о материальной культуре Южного Кавказа стала ценным интеллектуальным опытом для меня, ведь благодаря ей я пополнил свои знания о животноводстве и растениеводстве армян, о грузинских хинкалях, о гендерном разделении труда, по которому женщины ткут, изготавливают войлок и носят воду, а мужчины работают со скотом, плугом и виноградом. Помимо новых знаний, я получил эстетическое удовольствие, заразившись любовью, с которой Владимир Александрович рассказывал о южнокавказской культуре.

8 июня (ЧТ) мы посетили Государственный музей истории религии. Там для нас была проведена экскурсия «10 экспонатов, достойных внимания». Мне запомнились африканская фигурка nkisi в экспозиции «Архаические и традиционные верования» и зал, посвящённый советской идеологии: в нём экспонированы произведения советского агитационно-массового искусства, символические аспекты которого имеют явный квазирелигиозный характер. Также интересно было увидеть предметы индуистского культа, иудейский семисвечник, икону Новозаветной Троицы и узнать, какой сакральный смысл вкладывается в эти религиозные символы. Тем не менее, привыкший к многочасовым лекциям и детальным разборам каждого экспоната у витрины, я испытал некоторую досаду, что мы так мало времени провели в музее и ничего не узнали о большей части огромной коллекции. После экскурсии я задал несколько вопросов экскурсоводу, в том числе о черепе Хаджи-Мурата, который, как я прочитал в Википедии, хранится в Музее истории религии. Экскурсовод сказала, что череп по-прежнему лежит в Кунсткамере. Я расстроился, что не смог поучаствовать в репатриации черепа, и отправился изучать заинтересовавшие меня экспонаты в зал ислама. Коллекции, представленные в Музее истории религии, могут быть очень полезным источником и религиоведческих, и культурологических, и исторических, и этнографических знаний. Мне кажется, что каждый экспонат может вызвать глубокий интерес антрополога, потому что в фигурке, в культовом изображении, в любом другом сакральном предмете таятся неведомые силы, которые возникают в определённом социокультурном контексте и подкрепляются традицией – а это поле антропологического исследования.

Во второй половине дня мы посетили Музей медицины России и военно-медицинской службы при МО РФ. Нас разделили на две экскурсионные группы. Мне понравилось современное оформление музейных экспозиций и запомнился артистизм, с которым экскурсовод рассказывал нам об истории военной медицины. Я узнал, что раньше народные врачеватели лечили раненых клинковым обожжённым оружием прямо на поле боя. Только Пётр I стал организовывать госпитали на постоянной основе, куда приглашал иностранных врачей. Основные изменения в военной медицине произошли

только в конце XVIII–начале XIXв., когда возникла надобность бороться с эпидемиями оспы. Тогда распространился метод вариоляции, но из-за него погибало огромное количество людей, ведь болезнь передавали на нитке прямо из гнойника. Отдельный зал в музее посвящён Н. И. Пирогову, который реформировал военную медицину в стране. В том числе по его инициативе были организованы сортировочные пункты, где работали умелые диагносты и сёстры милосердия. В инструментарии врача появлялась алебастровая повязка, а на места перелома кости стали накладывать гипс. Люди учились оказывать первую помощь. Именно зал Н. И. Пирогова запомнился мне больше всего. В следующих залах мы узнали о состоянии военной медицины в годы Русско-японской, Гражданской, Первой мировой и Второй мировой войн. До посещения музея я не знал о разветвлённости санитарной системы, благодаря которой удалось спасти жизни множества людей в годы ВОВ. После завершения основной части экскурсии мы посетили зал «Анатомический театр», в котором воспроизведена атмосфера публичного анатомического театра Нового времени. В середине зала на двух кушетках лежат манекены пациенток в полный рост, а в витрине у самого входа в зал можно увидеть несколько баночек с заспиртованными органами человеческого тела. Ощущения от этой экспозиции можно сравнить с впечатлениями, которые я получил в анатомическом разделе Кунсткамеры: трепет перед смертью, удивительным образом соединившийся с антропологической любознательностью. В целом музей может быть интересен и полезен как военным историкам, так и физическим (в частности, медицинским) антропологам, занимающимся изучением биоэтических проблем и историко-культурного контекста, в котором развиваются представления о человеческом организме и здоровье.

Вечером я самостоятельно посетил концерт «Биг-бэнды XXвека» в Санкт-Петербургской Филармонии джазовой музыки. Мой интерес к джазу имеет определённые этнографические основания, потому что джазовая музыка – это слияние европейской гармонии и традиционных африканских ритмов. Проблема связи между «культурным кодом» той или иной общности и традиционной музыкой, наверное, никогда не будет решена в полной мере, однако история джаза может дать ответы на многие вопросы. На концерте были представлены произведения, относящиеся к направлению *ethnojazz* – пользуясь знаниями, полученными за два года обучения в ЦСА, я анализировал эти композиции и пытался определить, по каким причинам большая часть людей мгновенно отличит латиноамериканский мотив от алтайского или индийского. Более того, времяпрепровождение в среде любителей джаза я воспринимал как своеобразное включённое наблюдение. Слушая музыку, я наблюдал за другими зрителями, пробовал

выявить черты, присущие любителям джазовой музыки, и сравнивал атмосферу в Джазовой филармонии (СПб) с атмосферой в Клубе Алексея Козлова (Москва).

9 июня (ПТ) мы вновь посетили РЭМ. Первую лекцию прочитала **Наталья Александровна Косяк** – *научный сотрудник высшей категории, хранитель фонда жёсткого резерва отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ*. Лекция была посвящена теоретическим вопросам, связанным с музееведением и архивоведением. Наталья Александровна рассказала, что музей хранит не только вещь, но и архив, который, в свою очередь, состоит из переписок с коллекционерами, рукописных описей коллекций, дневников экспедиций и экспедиционных отчётов. Нам предоставили возможность подержать в руках и рассмотреть музейные описи – основной музейный документ, в котором хранится информация о каждом экспонате. Отдельно Наталья Александровна затронула тему современных тенденций, которые в музейной работе отражаются, прежде всего, на возможности оцифровать коллекции.

Одним из самых ярких впечатлений от выездной практики стала лекция **Ларисы Фёдоровны Поповой** – *заведующей Отделом этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана РЭМ* – о Средней Азии. Лариса Фёдоровна рассказала нам об этнической истории региона. Главная хозяйственно-культурная особенность Средней Азии – сосуществование оседлых и кочевых культур. Одними из самых ранних кочевников были скифы, которые известны по так называемой скифской триаде: оружие, кони и звериный стиль. Когда скифский круг культур стар расширяться, в Средней Азии появились тюрки, которые принесли с собой жёсткое седло со стременами для долгой перекочёвки и сражения верхом, юрту и поясную гарнитуру. Мусульманская культура распространилась в регионе при помощи арабов, которые завоёвывали мир мечом и пером. В результате сложился мультикультурный регион, в котором проживают и тюрки, и арабы, и персы, и евреи, и кавказцы, и даже корейцы. Первым экспонатом, на который было обращено наше внимание, стала среднеазиатская мотыга кетмень. Меня удивило, что оросительная система Средней Азии была настолько сложной и высокоразвитой. Важную роль в повседневной жизни среднеазиатов играли верблюды, которые выполняли сложную тягловую работу: помогали местным жителям выкапывать колодцы и совершать перекочёвки. Мне запомнились элементы традиционного костюма бухарцев, выполненные в технике заминдузи (вышивка покрывает весь фон без просветов). От Ларисы Фёдоровны я узнал о том, что такое полуда и как мастерам удаётся производить уникальную расплывчато-узорчатую ткань на шёлковой основе. Большое впечатление на меня также произвели туркменские украшения из серебра и сердолика, из-за которых головной убор туркменки может достигать 15–16 кг.

10 июня (СБ) мы с экскурсией обошли Музей Арктики и Антарктики. Он был открыт в 1937 г. и размещён в здании бывшей Никольской церкви. В музее представлена большая экспозиция, посвящённая истории освоения Арктики и Антарктики. Наибольшее впечатление в зале «История исследования и освоение Северного морского пути» на меня произвели череп мамонта, найденный на восточном берегу Хатангского залива; макет северной полярной станции и, конечно, знаменитый самолёт-амфибия Ш-2, который использовался в экспедиции парохода «Челюскин» в 1933 г. В отделе Антарктики размещена диорама с чучелами пингвинов, проходя мимо которой проникаешься суровым, но жизнеутверждающим духом Южного полюса. Самостоятельно я изучил выставку, посвящённую жизни Фритьофа Нансена – норвежского полярного исследователя, имя которого я открыл для себя в этом году – благодаря курсу ВГО в вузе. Музей расширяет представления о мире и, мне кажется, может быть полезен историкам, а также антропологам, которые работают в смежных с географией, биологией или геополитикой направлениях.

После экскурсии нам было предоставлено свободное время. Я решил провести его в Зоологическом музее на Васильевском острове. Экспозиция музея занимает огромное пространство на втором здании Зоологического института. Из материала, который может заинтересовать антрополога, я бы хотел выделить стенды с изложением дарвиновской теории; орудия труда, созданные из бивня и кости, а также коралловые украшения. В контексте постантропоцентрической парадигмы изучение животного мира представляет особый интерес, ведь границы между человеком и зверем уже не так определённы, а сходств между людьми и «братьями меньшими» оказывается гораздо больше, чем считалось ранее.

11 июня (ВС) мы отправились в Москву и **12 июня (ПН)** уже были на Ленинградском вокзале.

Заключение

Я сохраню воспоминания о поездке в Санкт-Петербург на всю жизнь. Эта эмоциональная оценка связана с бесценным опытом, приобретённым за неделю практики. Прежде всего, я получил невероятно большой объём новых знаний в области истории, этнографии, этнологии, антропологии и смежных гуманитарных и естественно-научных дисциплин.

Считаю нужным сравнить Кунсткамеру и РЭМ, потому что они были основными музеями, вокруг которых концентрировалась наша деятельность.

1. Кунсткамера производит впечатление более масштабного и «медийного» музея. Посетителей в Кунсткамере было гораздо больше, чем в РЭМ. Скорее всего, ключевую роль играет звание первого музея в России, принадлежащее Кунсткамере, а также интерес людей к анатомическим коллекциям.
2. РЭМ, на мой взгляд, имеет более узкоспециализированную направленность: в нём представлены лишь этнографические коллекции, связанные с народами, проживавшими на территории СССР. В Кунсткамере же можно найти элементы бенинского алтаря с той же вероятностью, что и амазонские духовые трубки. Можно сказать, что коллекции, собранные в Кунсткамере, выводят этот музей на общемировой уровень, соответствуют принципу стремления *«вширь»*, в то время как РЭМ предлагает скорее качественный, нежели количественный, взгляд *«вглубь»*, «внутрь». Именно поэтому африканист или индолог почерпнёт больше нужной для исследования информации в Кунсткамере, а специалист по народам Сибири, Средней Азии или Русского севера – в РЭМ.
3. Лекторы в МАЭ выстраивали свои лекции вокруг экспонатов, представленных в отделах. Они стремились показать нам и описать как можно большее количество коллекционных предметов. В результате лекций мы обошли практически весь музей и увидели почти все экспонаты Кунсткамеры. В то же время лекторы РЭМ порой так погружались в теоретические рассуждения о методологии или историко-этнографических особенностях рассматриваемой общности, что то ли целенаправленно, то ли невзначай пропускали витрины или уделяли им крайне мало времени. Так, Владимир Александрович рассказал нам о быте южнокавказских народов практически всё, но после лекции я выяснил, что мы не увидели даже половину южнокавказской коллекции музея.

Таковы основные различия между Кунсткамерой и РЭМ. Сходств, разумеется, гораздо больше, и они следуют из тематической близости музеев. У меня даже возникло

ощущение, что они дополняют друг друга: то, чего нет в Кунсткамере, есть в РЭМ, и наоборот. Итак, в моём понимании, музеи образуют единое культурно-семантическое пространство, которое основывается на этнографическом знании и обладает огромным коллекционным фондом.

В конце концов, хотел бы сказать, что я удовлетворён своей работой и считаю, что справился с целями, которые ставил перед собой. Помимо знаний, я получил важный коммуникативный опыт и увидел музейную жизнь «изнутри». Убеждён, что на протяжении всей жизни буду неоднократно обращаться не только к конспектам лекций и экскурсий, но и к навыкам, приобретённым на выездной практике в Санкт-Петербурге.